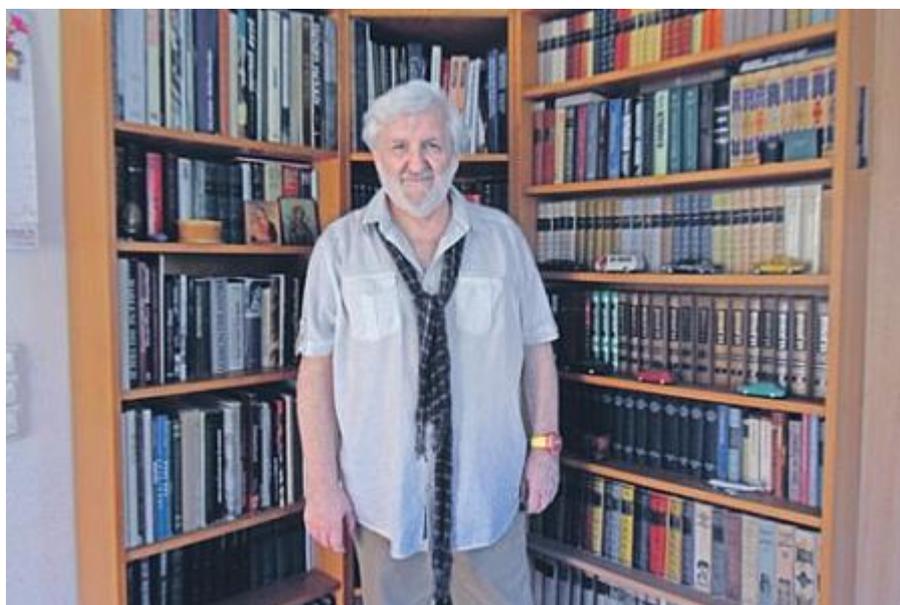

Сдержанность и немногословность

Писатель и издатель Вальдемар Вебер о свободных стихах и ритмах и радостях перевода

Дарья Данилова

Вальдемар Вебер (р. 1944) – поэт, прозаик, переводчик, издатель. Родился в Западной Сибири, вырос во Владимирской области, закончил Московский институт иностранных языков им. Мориса Тореза. Пишет на русском и немецком. Проза и стихи печатались в журналах «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», «Нева», «День и ночь», «Крещатик» и др. Лауреат Литературной премии Министерства культуры герцогства Люксембург (1993); Литературной премии Пен-Клуба Лихтенштейна Liechtensteinpreis-2002 за стихи на немецком; Первой премии международного конкурса имени Анатолия Маковского за русскую прозу (Кострома-Петербург, 2001). Автор книг «Слезы – линзы», «Тени на обоях. Стихи и переводы», «Черепки». Составитель антологий классической и современной поэзии Германии, Австрии, Люксембурга, немецкой Румынии.

Вальдемар Вебер – путешественник из одной культуры в другую. Фото Надежды Рунде.

В преддверии юбилея **Вальдемар ВЕБЕР** выпустил новую книгу «Продержаться до конца ноября» (М.: Русский Гулливер), что и дало повод **Дарье ДАНИЛОВОЙ** поговорить с автором.

– Вальдемар, вы человек двух культур – русской и немецкой, и вы пишете стихи-верлибры. В чем разница между немецким и русским верлибром? Или же верлибр – это нечто интернациональное, и все зависит только от личности автора, но не от языка и культуры?

– Мне не очень нравится само понятие «верлибр». Лучше говорить «свободный стих». В этом обозначении нет претензии на новый литературный жанр. Отсутствие рифмы и метра относится к стилистическим методам. В Германии никто не удивляется, когда поэт, писавший в основном свободным стихом, создает вдруг веночек сонетов. Жанр произведения избирается автором в зависимости от поставленной задачи. Мне тоже не хочется называться верлибристом, в этом слове по-русски есть что-то уродливое. Оставляю за собой право обращаться к традиционному стиху, что порою и делаю. Явление свободного стиха – еще дописьменное, продолжавшееся затем в ранней и классической литературе большинства народов.

– А в немецкой литературе?

– В немецкой литературе начиная с XVIII века практически не было авторов, у которых бы отсутствовал свободный стих или не было бы произведений с его элементами и вкраплениями. Правда, здесь надо учесть одну немецкую специфику: в Германии в XVIII веке и долгое время после свободный стих назывался «свободными ритмами». Пример –

многие произведения Фридриха Готлоба Клопштока, свободные ритмы мы находим у Гете, Гельдерлина, Гейне и дальше у Ницше, у экспрессионистов, а в англоязычной литературе – у Уитмена и Элиота. От свободного стиха (верлибра) модернистской и постмодернистской эпохи свободные ритмы отличает возвышенный, а порой экстатический тон, а также большая регулярность строфики и большее количество ритмических ударений. Но они сыграли свою важную роль. Способствовали тому, что, когда под влиянием французской и английской поэзии новый тип свободного стиха стал в Германии распространяться, его восприняли как нечто совершенно естественное. Современный свободный стих (верлибр) антипафосен, подчеркнуто интеллектуален. На меня стилистически мало повлияла немецкая традиция свободных ритмов, я воспринял скорее влияния более поздней немецкой поэзии, впитавшей не только национальный опыт, но и веяния новой европейской поэзии конца XIX – начала XX веков. Прежде всего – французской. С 1945 года свободный стих доминировал в странах немецкого языка, включая ГДР.

– *У вас очень лаконичные стихи и сдержанные.*

– Да, я учился у тех, кто немногословность и сдержанность сделал принципом своей поэтики. Конечно, у каждого языка своя специфика. Есть вещи, которые совершенно непередаваемы. И этот барьер непреодолим, но я путешественник из одной культуры в другую и назад, и верлибр, конечно же, интернациональной конвенционального стиха, но не потому, что упрощает выполнение творческой задачи, а потому что позволяет дать в том случае, если что-то непередаваемо, не перевод, а русский или немецкий вариант произведения, позволяет – в отличие от конвенционального стиха, уводящего постоянно в сторону или соблазняющего порой говорить совсем не то, что хотел, – предельно воплотить замысел, наиболее точно выразить поэтическую мысль.

Верлибр позволяет преодолеть барьеры, и он, конечно же, более рационален, более медитативен. Но мнения, что верлибр не свойственен русской традиции и русскому менталитету, я не разделяю. Серебряный век явил нам прекрасные образцы русского свободного стиха. Позднее, в советские времена, ему как явлению якобы декадентскому ходу не дали.

– *А когда вы начали переводить поэзию?*

– С 1970-х до начала 1990-х годов перевод был моей профессией. Произошло это довольно случайно. Стихи мои не печатали, а заниматься мне хотелось только литературой, немецкую поэзию я знал неплохо и постоянно ею интересовался, кое-что переводил, но лишь для себя. И тут Евгений Витковский предложил сотрудничать с ним, свел меня с редакторами. Вначале я исполнял заказы издательства, потом составлял антологии и сборники.

– *С кем из немецких авторов вам было особенно приятно работать?*

– Когда рынок рухнул и на перевод стало невозможно существовать, я стал переводить от случая к случаю, выборочно, как бы для себя, и только то, что доставляет удовольствие. Почти ничего из того, что перевел таким способом, кроме стихотворений Готфрида Бенна, пока еще не напечатал. Но и в советские времена, переводя по заказу, я старался брать для перевода в основном то, что мне нравилось, авторов, которые мне были близки: Готфрид Бенн, Георг Тракл, Гуго фон Гофмансталь, Иван Голль, немецкие романтики, современные немецкие поэты Петер Хухель, Мария Луиза Кашнитц, Кристоф Меккель, Рихард Питрасс...

Переводил в последние годы снова Тракля, а также Фридриха Гельдерлина, Пауля Целана, молодых немецких поэтов, но пока переводы эти не печатал. Надеюсь, опубликую их в будущих сборниках вместе со своими стихами.

– *Как раз один из таких сборников уже вышел. Там, насколько я знаю, и стихи, и переводы...*

– Называется он «Продержаться до конца ноября». В нем собраны стихотворные тексты за много лет, некоторые из них написаны в 1960-е годы и печатаются впервые. Меня десятилетиями не печатали. Поэтому обязательно ставлю под стихами даты. Они – часть текста. Но в основном книга составлена из стихотворений, написанных после «Черепков» (2000), то есть в последнее десятилетие. Вошли в нее и некоторые переводы, и стихотворения, написанные в духе поэтов, которых я переводил, – например, в подражание Ивану Голлю, двуязычному немецко-французскому поэту. Цикл этот в книге назван по-немецки и по-русски *Verwandlungen* – «Превращения». Много в 60-е годы я записывал как прозаические миниатюры, лишь позднее понял, что написаны они не по принципу прозы, что внутренняя интонация в них – поэтическая. Их, в отличие от многих рифмованных стихов, я сохранил.

– *В этой связи задам вопрос для молодых ценителей поэзии. Как уловить эту внутреннюю поэтическую интонацию, о которой вы упомянули и которая превращает просто запись из блокнота в стихи? Понимаю, что теоретизировать бесполезно. Вы могли бы без ложной скромности привести примеры из своих стихов и прозаических миниатюр, сравнив их?*

– Я имел в виду совсем ранние свои тексты в книге, которые лишь теперь публикую. Это были отрывочные записи из записных книжек. Вот это стихотворение, например, было записью на полях дневника, многословной, но со своей интонацией, и я выстроил его графически, сократил, сжал:

На контрольной
Твои колени цвета
 подснежников,
исписанные шпаргалками,
которые ты под партой
высоко заголяла,
давая списать теорему...
Голова кружилась,
глаза туманились,
цифры и буквы сливались,
превращались в иероглифы.
Приходилось просить
 позволения
еще и еще раз
взглянуть на те чертовы
 знаки,
и ты позволяла
с притворною неохотой.
1962–2011

А вот эта миниатюра тоже была в записной книжке, но так и осталась прозаической миниатюрой, в ней присутствует описательность, которой я в верлибре стараюсь избегать.

Картинка в пути

Остановка поезда на полустанке. Молодые женщины, лимита, сидят под солнцем на шпалах у полотна дороги, едят консервы, запивают кефиром, курят. Потом снова орудут ломami и кувалдами. С высоты вагонной площадки я мысленно их раздеваю, не стесняясь присутствия бригадира, хмуро наблюдающего за их работой, представляю себе, как вон у той, чернобровой, по спине под спецовкой стекают теплые струйки пота... Женщины мне подмигивают, отпускают соленые шутки, хохочут. Поезд трогается, на минуту они расправляют спины и уже без улыбки смотрят ему вслед.
1966

Но в большинстве случаев стихи рождались из поэтической мысли, интонация приходила сама собой в лад содержанию. На начальной стадии мысль обрастает большим количеством слов, потом шаг за шагом убирается все лишнее, порой от двадцати строк остается пять. Но они сохраняют интонацию, заложенную изначально. Я пишу свободным стихом, потому что он соответствует моей внутренней интонации, моему языковому чувству, моему способу говорения, моему чувству современности. Верлибры – стихи для чтения, не для декламации. Но это не значит, что верлибр нельзя декламировать. Рифмованный ритмизованный стих тоже ведь можно читать глазами. И у поэта, пишущего верлибром, должна быть своя узнаваемая интонация, своя образность.